

ВОЗВРАЩЕНИЕ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Наши Перемишль взяли!— радостно сказала Ирина Григорьевна, входи в столовую, где уже сидеть и дожидаться обеда, хмуро читая вечернюю газету; Виктор Александрович Стогоровь.

Он взглянул на Ирину, и лицо у него сморщилось, и пробормотал:

— Читалъ уже эту радостную вѣсть.

У Ирины заняло сердце, и задрожали губы. Она сѣла на свое мѣсто гадивать супъ. Знала, что неизбеженъ непрятный разговоръ, и что опять онъ сочнется равною выпивкою.

Для этого-то вѣсть человека она оставила мужа и дѣтей! Правда, Стогоровь умѣетъ быть мило, любезенъ, остроуменъ даже, когда захочетъ. Но эта его странная неприязнь ко всему русскому, это его презрѣніе къ русскому приятному мужику, къ низкой русской культурѣ—это его необычайное превлечение сердца въсѣмъ, на чемъ стоитъ ярлыкъ: «сдѣлано въ Германіи!»

Прежде Ирина не замѣчала всего этого. Казалось

естественнымъ, что человѣку нравится хорошее чужое и не нравится худое свое. Ни къ чему было, что въ своемъ Стогоровъ никогда ничего хорошаго не видѣлъ. Но война вскрыла всѣ эти странныя противорѣчя.

Ирина старалась не слушать ядучихъ разсужденій Стогорова, и думала о своемъ. Объ оставленномъ мужѣ. Было сладко думать о томъ, что онъ прислалъ ей съ войны два письма. Теперь онъ уже командуетъ полкомъ. Былъ въ бояхъ, ни разу не раненъ. Письма такія милыя, дружескія, точно ничего и не было, точно къ сестрѣ пишешь. Правда, Ирина сама начала переписку.

Такъ задумалась, что совсѣмъ забыла о Стогорова. Только его сердитый вскрикъ разбудилъ ее.

— Вамъ, кажется, не угодно отвѣчать на мои вопросы? Чѣмъ я заслужила такую немилость?

— Извини, я задумалась,—краснѣя, какъ молоденькая дѣвушка, отвѣчала Ирина.

Вдохнула. Да опять разсужденія о войнѣ, придиричивыя о русскихъ, хвалебныя о нѣмцахъ. Надобно отвѣчать, участвовать въ разговорѣ. Еле досидѣла до конца обѣда.

Послѣ обѣда сказала:

— Мнѣ надо сегодня поѣхать къ Кирилловымъ.

Стогоровъ промолчалъ.

На улицѣ пахло весной. Небо было синее и сладостно-ясное, вечерѣющее небо ранней весны. Последнюю вербу купила Ирина у веселаго, краснощекаго отъ холода мальчика въ синей маминѣ кашкейкѣ. И потянуло ее идти къ дѣтямъ.

Ихъ двое,—мальчику Сережѣ пятнадцать, дѣвочкѣ Лизѣ тринадцать. Она у нихъ бываетъ почти каждую недѣлю. Всегда по секрету отъ Стогорова. Чувствуетъ, что они ее жалѣютъ и осуждаютъ. Съ ними живетъ сестра ихъ отца; у нея тоже дѣвочка, на годъ помоложе Лизы.

Когда уже Ирина подошла по шумной улице к углу того переулочка, где, во второмъ домѣ отъ угла, жили ея дѣти, странное волненіе охватило ее, и она быстро повернула назадъ. Прошла немного, и стыдно ей стало.

«Что со мною?»

Она пошла опять и опять у того же угла точно что-то отбросило ее назадъ. И такъ нѣсколько разъ подходила она къ переулку, и уходила. Наконецъ ушла.

И всю недѣлю почему-то не рѣшалась идти къ дѣтямъ. Наконецъ ужъ въ понедѣльникъ на Страстной, опять послѣ обѣда съ неприятнымъ разговоромъ о германской культурѣ и о русской дикости, отправилась туда.

Съ сильно бьющимся сердцемъ Ирина повозила у дверей той квартиры, которую она еще такъ недавно называла своею. Никогда еще она такъ не волновалась передъ этою дверью, какъ теперь. И сама не понимала, почему. Точно зрѣло въ душѣ какое-то рѣшеніе.

Какъ всегда, выбѣжали въ переднюю встрѣчать ее веселыя прытки дѣти и за ними вышла Наталья Сергѣевна, какъ всегда озабоченная, съ чуть-чуть растрепавшеюся прическою.

— Милая Наташа! — сказала Ирина, обняла ее, и вдругъ заплакала.

Дѣти притихли. Лиза взяла за маминъ рукавъ, и ужъ сама собиралась плакать.

— Что съ тобою, Ириночка? что такое? — растерянно говорила Наталья Сергѣевна. — Да пойдемъ ко мнѣ — успокойся. А вы, дѣти, идите себѣ идите.

Входя въ комнату Натальи Сергѣевны, Ирина говорила:

— Боже мой, Боже мой, какъ я устала! У тебя такъ хорошо, Наташа, такое благообразие во всей вашей жизни, — и лампы, и цвѣты, и смѣхъ дѣтскій, и говоръ веселый. А у меня...

— Опять поссорились? — спросила Наталья Сергеевна.

— Онъ меня измучил! — воскликнула Ирина. — Можешь быть, тебѣ это смѣшно покажется, но онъ заставилъ меня почувствовать въ себѣ русскую душу, любовь къ Россіи, любовь ко всему, о чемъ мы такъ легко забываемъ. Заставилъ гдѣмъ, что онъ все это ненавидитъ, все это прокликаетъ. Его злоба вызвала отпоръ въ моей душѣ.

— Зачѣмъ же ты съ нимъ? — спросила Наталья Сергеевна.

— Сама не знаю, зачѣмъ. Сначала любила, теперь ненавижу. Если бы Володя былъ здѣсь, я бы пришла къ нему просить, чтобы онъ опять пустилъ меня къ себѣ и къ дѣтямъ.

— Какой вѣдоръ! — сказала Наталья Сергеевна. — Тебѣ не надо просить объ этомъ, онъ будетъ радъ, ты сдѣлаешь ему радостный праздникъ.

— Мнѣ стыдно, я не смѣю, — говорила Ирина.

Наталья Сергеевна замахала на нее руками.

— Молчи, молчи! — сказала она.

Раскраснѣвшаяся и взволнованная она быстро пошла къ двери, и вытряхнула громко:

— дѣти! дѣти!

Слышенъ былъ веселый топотъ трехъ паръ дѣтскихъ ногъ. Ирина сидѣла, уткнувшись лицомъ въ платокъ, и плакала, плакала. Какъ сквозъ туманную завѣсу доносился до нея голосъ Натальи Сергеевны изъ коридора:

— Сережа, Лиза, мама останется съ вами.

Дѣти завязками отъ радости, и шумно вбѣжали въ комнату. Смущенно остановились на порогѣ.

— Мама плачетъ! — сказалъ Сережа.

Ирина опустила платокъ, и засмѣялась. Мокрая отъ слезъ щеки ея были румяны.

— Мама ваша глупая! — сказала она. — Мама боится вашего отца, и не знает, что он скажет, когда узнает, что я вернулась.

Сергея, мальчик с такими же быстрыми и веселыми глазами, как у отца, подошел к матери, обнял ее, и сказал:

— Мы пошлем папѣ письмо, и я знаю, что онъ отвѣтитъ.

— Что, милый? — спросила Ирина.

И со страхомъ смотрѣла на сына, и съ надеждою. А онъ смѣялся и молчалъ.

— Ну, что, что отвѣтитъ? — кричала любопытная Лиза.

— Догадайся сама! — говорилъ Сергей.

Но всмотрѣлся въ испуганные мамини глаза, и ему стало стыдно мучить и дразнить маму. Онъ поцѣловалъ ее прямо въ губы, и сказалъ:

— Папа отвѣтитъ: Христосъ воскресъ!

И во всемъ стало радостно, бодрѣе и веселѣе.